

Михаил Беломлинский
*Мне повезло: я всю жизнь
рисую!*

Воспоминания

Михаил Беломлинский

**Мне повезло: я всю жизнь
рисую! Воспоминания**

«Издательские решения»

Беломлинский М.

Мне повезло: я всю жизнь рисую! Воспоминания /
М. Беломлинский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505914-7

В первой части книги Беломлинский вспоминает своих соратников по питерской юности Иосифа Бродского и Сергея Довлатова, рассказывает о своей дружбе с Евгением Евстигнеевым, описывает встречи с Евгением Леоновым, Людмилой Гурченко, Михаилом Казаковым, Сергеем Юрским, Владимиром Высоцким, Беллой Ахмадуиной, Марселем Марсо, Робертом Дениро, Ивом Монтаном, Харви Ван Клиберном... Во второй части книги он рассказывает забавные «полиграфические истории», связанные с его работой в России и Америке.

ISBN 978-5-00-505914-7

© Беломлинский М.
© Издательские решения

Содержание

РАБОЧАЯ КАРТОЧКА	6
ЧАСТЬ 1: ПОРТРЕТЫ	9
все фотографии – из архива семьи беломлинских	9
все рисунки – михаил беломлинский	10
Содержание	11
ИОСИФ БРОДСКИЙ: ПОЕДЕМ К ХУДОЖНИКУ В МАСТЕРСКУЮ!	12
ВАЛЕНТИНА ПОЛУХИНА: ИНТЕРВЬЮ С МИХАИЛОМ БЕЛОМЛИНСКИМ, ПРИ УЧАСТИИ ВИКТОРИИ БЕЛОМЛИНСКОЙ	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Мне повезло: я всю жизнь рисую!

Воспоминания

Михаил Беломлинский

Составитель Юлия Михайловна Беломлинская

Дизайнер обложки Юлия Михайловна Беломлинская

© Михаил Беломлинский, 2019

© Юлия Михайловна Беломлинская, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-5914-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РАБОЧАЯ КАРТОЧКА

Предисловие Юлии Беломлинской

«...Мне ужасно повезло – я всю жизнь рисую».

Так называлось интервью, данное моим отцом нью-йоркскому журналисту...

Мой отец действительно рисовал всегда.

Он родился в Ленинграде в 1934-м году. В раннем детстве начал рисовать мелом на тротуаре. В эвакуации – без конца рисовал войну, но не только танки-самолеты, но еще и портреты маршалов и генералов. Взрослые заметили, как он здорово рисует. А когда вернулись в Ленинград – бабушкина сестра пошла работать на кукольную фабрику, и там ей рассказали, что в городе есть Средняя Художественная школа – принимают туда с 12-и лет, надо сдать экзамен, но если поступит – дают рабочую карточку. Кругом была послевоенная голодуха, и тетя, услышав про карточку, самолично отвела моего папу на экзамен. Папа сдал его на «отлично». И это решило его дальнейшую судьбу. После школы он поступил в Академию художеств, на графиче-

ческий факультет. Еще студентом начал работать для пионерского журнала «Костер», и в творческом объединении плакатистов «Боевой карандаш», и по окончании Академии был принят в Союз художников.

Сколько я себя помню, папа был завален заказами. Он всегда говорил, что редакторши любят его за умение острить и за импозантность. Его на самом деле любили – но не только за это. А еще и за обязательность и умение рисовать живые и веселые книжки.

Своими учителями в книжной графике папа считает Владимира Лебедева, и двоих художников, ставших жертвами сталинщины: Константина Ротова и Бронислава Малаховского. Ротов – выжил, а Малаховский трагически погиб. Папе довелось готовить к переизданию первую книгу Малаховского после реабилитации. Любимые папины художники-классики детской книжной иллюстрации – Владимир Конашевич, Алексей Пахомов и Юрий Васнецов... Из иностранных он очень ценит Гюстава Доре, а также создателя «Макса и Морица» – Вильгельма Буша.

В 1971-м году папа стал главным художником журнала «Костёр». И проработал там около 10—и лет. От «Костра» он много ездил по Советскому Союзу. Был на Камчатке, на Командорских островах, на Чукотке. К своей работе в «Костре» он относился очень ответственно. И так же как, когда-то, его предшественник Юрий Мезерницкий – дал работу двум студентам – Михаилу Беломлинскому и Георгию Ковенчуку, папа давал работу многим молодым ленинградским графикам...

Наиболее известной папиной работой являются иллюстрации к советскому изданию сказки [Джона Роналда Руэла Толкина «Хоббит»](#) в переводе [Н. Рахмановой \(1976\)](#), «в роли» Хоббита он нарисовал Евгения Леонова. И потом подарил ему эту книгу. Леонов очень порадовался. Папа иллюстрировал «[Янки при дворе короля Артура](#)» [Марка Твена](#), «[Говорящий свёрток](#)» Даррела, «Дон Кихот» и «Новеллы» Сервантеса. В журнале «Костер», он нарисовал рисунки к повести Василия Аксенова «Мой дедушка – памятник», к повести Юрия Коваля «Два похищенных монаха», оформил книжку Эдуарда Успенского «Каникулы в Простоквашино», иллюстрировал стихи Даниила Хармса и Глеба Горбовского... Помимо иллюстраций к детским книжкам он рисовал шаржи и портреты. Он замечательный портретист.

В 1989 году мы всей семьей уехали в Америку. Папины друзья сразу привели его в главную русскоязычную газету Нью-Йорка «Новое Русское Слово» и там он моментально получил работу. В редакции все его очень любили. Он проработал там 12 лет – до самой пенсии.

Также в Америке папа оформлял взрослые книги. Много работал для издательства «Эрмитаж». Но однажды раздался звонок – звонили из российского издательства, насчет переиздания «Хоббита» – спрашивали, как заключить с папой договор и куда перевести гонорар. Вот тогда мы удивились. И обрадовались. Не столько деньгам – сколько тому, что российская жизнь начала входить в нормальные берега.

Обнаружив это, я вернулась назад в Россию. Помню первый свой приезд – после 11-и лет отсутствия, я прилетела в Москву и ночным плацкартным Москва – Липецк, уехала в Питер. Всю ночь мы проговорили с попутчицей – воспитательницей детского сада, и она рассказывала, что хороших детских книжек больше не делают, «все какое-то мыльное» и они, воспитательницы – берегут старые советские книжки, в том числе и папины, бережно хранят, подклеивают, обертывают обложки в целлофан... Слушать об этом было грустно... Но постепенно дела стали налаживаться, и кораблик русской детской книги пошел нормальным ходом в нужную сторону.

В 2003 году издательство «Азбука», которым руководил Алексей Гордин, заказало папе папе огромную работу – оформление серии детских книг Лемони Сникета «33 несчастья» – там было 13 книжек и папа делал их 4 года. Я в эти годы уже жила в Санкт-Петербурге и постепенно меня начали находить издатели. И посыпалась волна переизданий. В советские годы папа работал со многими издательствами: «Детгиз», «Малыш», «Детская литература»... В новые

времена в его жизни появились новые имена: «АСТ», «Рипол», «Речь», «Азбука» ... Но и старые издательства-друзья его не забывают.

Сейчас папу переиздают много. Я привожу ему эти книжки, и он им радуется. Папа рисовал до тех пор, пока мог держать в руках карандаш. Он написал замечательную книгу воспоминаний «Полиграфические истории» – очень смешную и конечно же, со множеством иллюстраций. Я надеюсь, что в ближайшее время эта книга найдет своего издателя, и порадует русскоязычных читателей. Я привезу книгу папе в Америку и вместе мы будем сидеть и рассматривать картинки. И я скажу ему:

– Папа, ты настоящий классик!

Я-то знаю что классик – это всегда не только талант, но и колоссальное трудолюбие. Такая вот рабочая карточка, которую под конец выдает сам Господь...

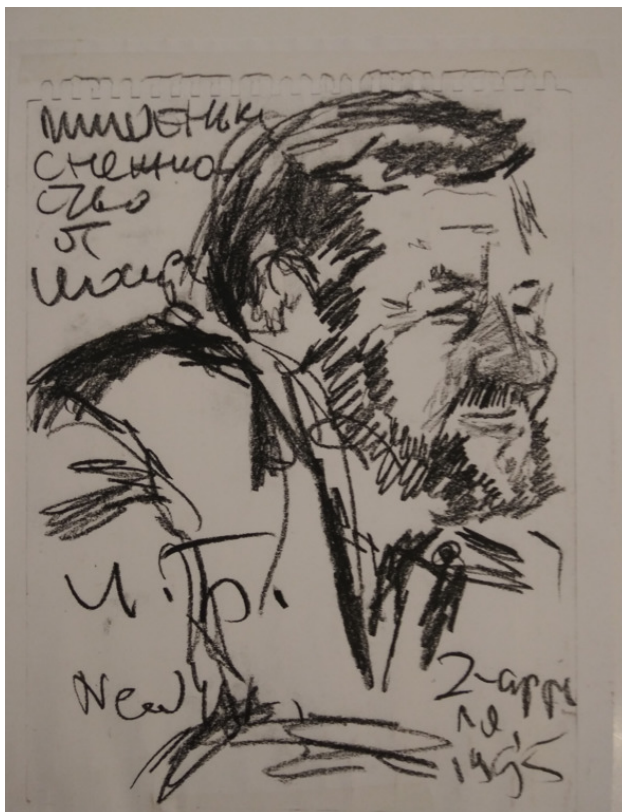
Моему папе он эту Рабочую Карточку точно выдал.

Юлия Беломлинская. Санкт Петербург 2018

ЧАСТЬ 1: ПОРТРЕТЫ

все фотографии – из архива семьи беломлинских

все рисунки – михаил беломлинский

Иосиф Бродский. Портрет Михаила Беломлинского 1995 Нью-Йорк

Содержание

- ИОСИФ БРОДСКИЙ: ПОЕДЕМ К ХУДОЖНИКУ В МАСТЕРСКУЮ!
- ВАЛЕНТИНА ПОЛУХИНА: ИНТЕРВЬЮ С МИХАИЛОМ БЕЛОМЛИНСКИМ, ПРИ УЧАСТИИ ВИКТОРИИ БЕЛОМЛИНСКОЙ.
- БУКСИР
- ОБЛОЖКА К ДОВЛАТОВУ

- ЕВСТИГНЕЕВ
- РИСУЮ ЮРСКОГО

- ПАМЯТИ МИХАИЛА КОЗАКОВА
- ПРО ЛЮДМИЛУ ГУРЧЕНКО
- ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ГЕРОЙ – ПАМЯТИ КИРИЛА ЛАВРОВА

- ОПЕРАЦИЯ «ТОСТ» И ДРУГИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШУРИКА

- РЕЖИССЕР СЕРГЕЙ ГЕРАСИМОВ

- ВЛАДИМИР ГАЛЬБА – «БЛИЦ-КРИК И ФРИЦ-ВОЙ»
- УЧИТЕЛЬ СМЕХА

- ХУДОЖНИК ВИКТОР ЧИЖИКОВ

- ЗАДУМЧИВЫЙ ГОЛОС МОНТАНА

- КОГДА ФОНРИКИ КАЧАЮТС НОЧНЫЕ...

- ПРО БЕЛЛУ АХМАДУЛИНУ

- МАРСЕЛЬ МАРСО
- ВАГРИЧ БАХЧИЯН

- ВСТРЕЧА С ВАН КЛИБЕРНОМ
- АФТОГРАФ ДЛЯ ДЕ НИРО

- УЖИН С МАРЛЕН
- автор – Виктория Беломлинская

ИОСИФ БРОДСКИЙ: ПОЕДЕМ К ХУДОЖНИКУ В МАСТЕРСКУЮ!

В книге «Разговоры с Иосифом Бродским» Соломон Волков, говоря о «Бродячей собаке» и т. д., спрашивает: «А что представляла современная вам ленинградская „изыщная жизнь“?»

Бродский: «Наверное, художники и их мастерские. «Поедем к художнику в мастерскую!» – так это мне вспоминается. Скажем, у меня были два знакомых художника, у которых была мастерская в совершенно замечательном месте, около Академии художеств... Довольно забавные собеседники, ужасно остроумные. И у них время от времени собиралась богема или то, что полагало себя богемой.

Лежали на коврах и шкурах. Выпивали. Появлялись какие-то девицы. Потому что художники – они чем привлекательны? У них же натурщицы есть, да? По такой стандартной табели о рангах – натурщица, она как бы лучше, чем простая смертная. Не говоря уже о чисто порнографическом аспекте всего этого дела.

Волков: А что, был и такой аспект?

Бродский: В основном шли разговоры, окрашенные эротикой. Такое легкое веселье или, скорее, комикование. И трагедии, конечно же, все эти мучительные эмоции по поводу того, кто с кем уходит. Поскольку раскладка пар была, как всегда, совершенно не та. В общем, такой нормальный спектакль. Были люди, которые приходили на это просто посмотреть, они были зрители. А были актеры. Я, например, был актером. Думаю, что и в «Бродячей собаке» происходило, до известной степени, то же самое.

Волков: А пили крепко?

Бродский: Еще как!

.....

Два «знакомых художника» – это я и мой ближайший друг (с 5-го класса средней художественной школы) замечательный художник Георгий Ковенчук (Гага). В 60-м году мы закончили графический факультет института Репина Академии художеств, вступили в Союз художников и неожиданно получили мастерскую, одну на двоих. Но в то время это было даже удачно и удобно, мы много работ делали вместе: книжки, плакаты, прикладную графику.

М. БЕЛОМЛИНСКИЙ И Г. КОВЕНЧУК 1960

Мастерская находилась рядом с Академией художеств, на узенькой, какой-то средневековой улице Репина, выходящей к Румянцевскому саду. Это была очень большая комната, с окном во всю стену. Действительно, был ковер и большая медвежья шкура, присланная с Чукотки Гагиной тещей, стоял старинный рояль, оставшийся от кого-то из прежних владельцев (когда-то тут работал Натан Альтман), на стенах висели рисунки, шаржи, смешные коллажи, было очень уютно. К тому же мы были счастливыми, по тем временам, обладателями телефона. Мы завели несколько альбомов, и наши гости рисовали в них, писали стихи, кто что хотел – сейчас это бесценное собрание автографов.

А гостей у нас бывало огромное количество – поэты, писатели, актеры, художники, режиссеры.

Работали мы легко, ненатужно, и гости нам не мешали. Они болтали друг с другом, рисовали или играли в рулетку (была у нас такая игра, кем-то подаренная). Иосиф бывал у нас часто. Пил кофе, названивал по телефону, листал монографии и альбомы с репродукциями, восхищался любимым им художником Дюфи, но в основном рисовал. С большим удовольствием. Особенно ему нравилось рисовать цанговым карандашом с толстым грифелем – он давал широкую «бархатную» линию. Я привез несколько таких карандашей из Чехословакии и один подарил ему. Он был счастлив. Сохранилось много его рисунков, сделанных этим карандашом. Надо сказать, все его рисунки отличались на редкость пластичной линией, остротой композиции, умением передать настроение – он никогда не учился рисовать, но, безусловно, был наделен большим художественным даром.

Он и фотографировал замечательно.

Забегали к нам и знакомые натурщицы, если у них образовывался перерыв в позировании в Академии. Перекурить. Иосиф с удовольствием болтал с ними, рассказывал анекдоты,

смешил их, сам смеялся своим специфическим, коротким смешком. Он был большой дамский любезник, но стихи не читал, видимо, не считал, что перед ним его слушатели. Вот Глеб Горбовский, наоборот, стихи начинал читать сразу, как только появлялся в мастерской, всегда навеселе, «на дивном веселе».

Приходил Иосиф и вечерами, когда организовывались какие-нибудь пьянки. Происходило это нередко. Одну помню хорошо. Народу было много. Бродский в то время ухаживал за рыжей красавицей Беллой, но ее тут же стал «клеить» знаменитый тогда актер Василий Ливанов, которого привел с собой Гага. Ливанов был сильно пьяный и агрессивный. Когда Иосиф по просьбе гостей стал читать стихи, его «соперник» Вася начал гнусавым голосом довольно громко и похоже его передразнивать, начались смешки, чтение было сорвано. Иосиф ужасно обиделся, расстроился, Белка утешала его, они все время выходили, выясняли отношения, и, как только свели мосты, вместе ушли. А Ливанова Гага увез на поезде куда-то к черту на рога, на свой садовый участок, где у него была времянка, сколоченная из ящиков. Пьяный Вася долго бродил по ночному поселку, стучался ко всем и гундосил: «Я артист Ливанов, дайте мне выпить!»...

«...мучительные эмоции по поводу того, кто с кем уходит...» – я думаю, как раз про ту пьяную ночь.

РЫЖАЯ КРАСАВИЦА БЕЛЛА БИЛИБИНА

После ссылки Бродский часто бывал у поэта Леша Лившица (Льва Лосева) в журнале «Костер» – делал переводы разных детских поэтов из союзных республик. Я работал главным художником в «Костре» и заказывал рисунки Марине Басмановой. Дело это было мучительное – она никогда не могла сдать работу в срок.

Я выслушивал упреки в редакции и жуткие скандалы в типографии – мы срывали график работы. Но заказы не прекращал: Марина была любовью Иосифа, он всегда приходил с ней, будто боялся, что ее обидят, что не найдет дороги, что потеряется...

Я часто делал зарисовки с него в блокнот, который всегда ношу с собой. Однажды он внимательно пролистал все рисунки и на одном расписался: «Мишель, вот этот похож». Этот мой рисунок впервые был опубликован в 1980 году в нью-йоркском сборнике «Часть речи», посвященном 40-летию со дня рождения Иосифа Бродского. Потом он часто воспроизводился в американских и европейских изданиях. Появился на обложке сборника статей о Бродском, вышедшем в Лондоне, а в перестроечное время – и в России. В нескольких последних сборниках он уже помещен среди рисунков Бродского как его автопортрет.

А в 72-м году мы провожали Иосифа в Пулковском аэропорту, прощались, как тогда казалось, навсегда.

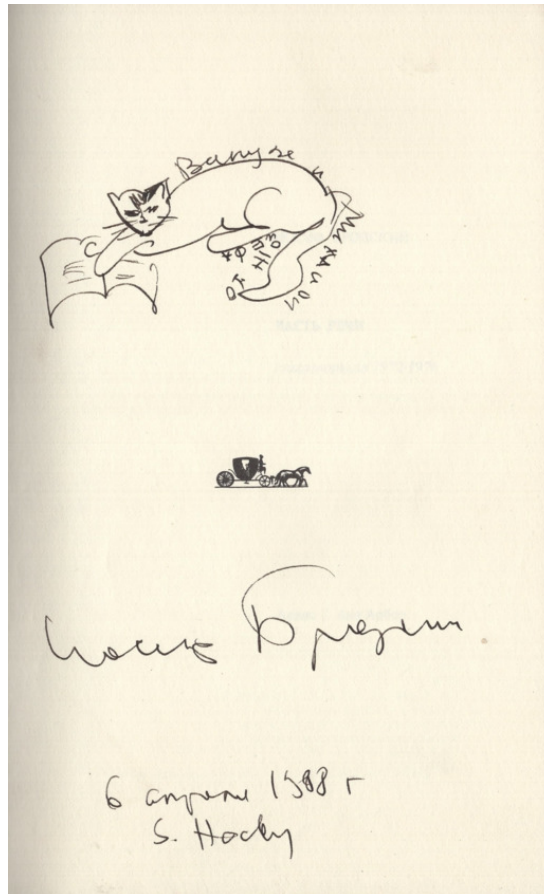
ИОСИФ БРОДСКИЙ

В 88-м в Ленинградском доме кино был устроен первый официальный вечер, посвященный Нобелевскому лауреату Иосифу Бродскому.

Я сделал большой плакат: на фото шведский король вручает поэту премию, а сверху факсимильно воспроизвел статью из газеты 64-го года о суде над ним с идеальным для плаката названием «Тунеядцу воздается должное...»

Мы с женой увиделись с Иосифом спустя 16 лет в его доме в Саут-Хедли. Он подарил нам книжки: «Урания», «Часть речи» и «Конец великой эпохи». На всех нарисовал кота, сделал трогательные надписи, на «Урании» написал: «Юле, Вике и Мишке от Жозефа по книжке. 6-е апреля 1988. S. Hadley. Иосиф Бродский».

Я спросил: «А тебя здесь рисовали? Делали шаржи?»

Он засмеялся: «Да нет. Вот только твой...» – и показал на какую-то французскую газету, приклеенную на кухне к стене. Там была статья о нем и мой рисунок – тот самый. Потом он повез нас обедать куда-то далеко на своем «мерседесе», шикарно и лихо вел его, а на заправке охотно мне позировал, когда я снимал его.

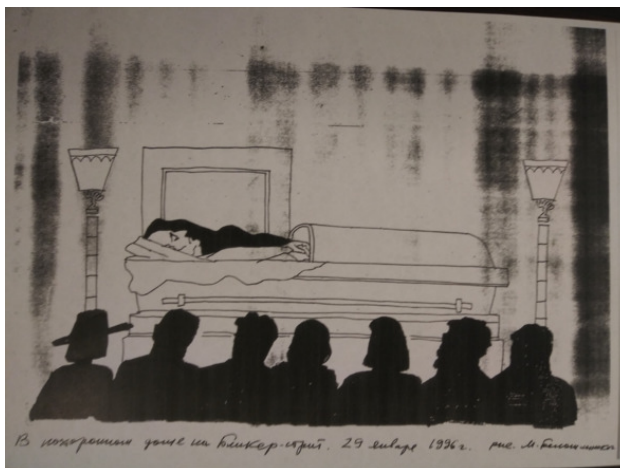
Дальмира Гимейн, Михаил Беломлинский, Виктория Беломлинкая, Иосиф Бродский

В Нью-Йорке мы были на его пятидесятилетии на Мортон-стрит, виделись на выставке Целкова, на выступлениях поэтов, Рейна, Кушнера, Наймана, которые он предварял, но чаще в уютном «Русском Самоваре» у Романа Каплана. 2 апреля 95-го года после выступления Бродского в Манхэттене мы пришли в «Самовар», Роман принес свой знаменитый альбом с автографами, фотографиями и рисунками и попросил меня нарисовать Иосифа, но тот забрал у меня альбом и любимый им цанговый карандаш: «Мишель, ты меня много рисовал. Дай-ка я тебя нарисую». И быстро сделал очень хороший рисунок. И написал: «Мишеньке, с нежностью от Иосифа. И. Б. Нью-Йорк 2 апреля 1995».

В тот вечер мы виделись в последний раз.

А 29 января 96-го года мы прощались с ним в похоронном доме на Бликер-стрит. Фотографировать не разрешали, я сделал рисунок в блокноте, потом увеличил его.

ВАЛЕНТИНА ПОЛУХИНА: ИНТЕРВЬЮ С МИХАИЛОМ БЕЛОМЛИНСКИМ, ПРИ УЧАСТИИ ВИКТОРИИ БЕЛОМЛИНСКОЙ

Михаил Беломлинский родился в Ленинграде в 1934 году. С детства любил рисовать и после возвращения из эвакуации был принят в Среднюю Художественную школу (СХШ) при институте им. Репина Академии Художеств. Закончил графический факультет Академии художеств, был членом Союза Художников СССР и Союза журналистов. Много ездил по стране, десять лет работал главным художником детского журнала «Костер», проиллюстрировал более 300 книг, среди них Марка Твена «Янки при дворе короля Артура», Толкина «Хоббит», делал рисунки к новеллам Сервантеса. В 1989 году эмигрировал в США, работал в газете «Новое русское слово». Участвовал в выставке в Сити Холле г. Нью-Йорка. Издал две книги дружеских шаржей, его любимый жанр. Сейчас живет в Пенсильвании, пишет и рисует для газеты «Русский базар», делает рисунки для издательства «Азбука».

Виктория Беломлинская родилась в Ленинграде, работала студией научно-популярных фильмов. Пишет прозу с 70-х годов, автор книг: «Неяркая жизнь Сани Корнилова» (1989), «Роальд и Флора» (1994), «С любовью на память» (2001), «Берег» (2008). Награждена премией «Букер» в Москве.

– *Вы, похоже, знакомы с Бродским с его поэтических пеленок. Вы сначала услышали о нем или увидели его?*

– С пеленок его знала моя жена Вика. Пусть она сама расскажет об этом.

– **Виктория Беломлинская:** Я уже об этом писала. Могу кое-что повторить. Наши отцы – мой и Иосифа – были друзьями. Почти всю войну бок о бок прошли. Я об Иосифе услышала, когда в 3-м класса училась. Однажды раздался телефонный звонок, отец взял трубку, но скоро сказал: «Это не телефонный разговор, Саша. Давай встретимся». И ушел. Вернулся поздно. Мне уже спать полагалось. Но я не спала и слышала, как он маме рассказывал: «Ты представляешь, Маша одна с Оськой на руках, черт знает как, всю войну ждала ждала его, а теперь эта баба ему ультиматум ставит: уходи из семьи, и все! Он втюрился, как мальчишка, повеситься хочет!»

Я уже закончила школу, когда услышала об Иосифе во второй раз. И опять из рассказа отца матери: «Не понимаю Сашу, – возмущался отец – Оську выгнали из школы, парень без среднего образования остается, я ему говорю: иди в райком, а он смеется! Я, говорит, научу его снимать, он кусок хлеба всегда заработает. Что с того, что я горный кончил?! Всю жизнь фоторепортером работаю...».

Я воочию увидела Иосифа, когда хлеб зарабатывала, позируя в Академии. Там я и познакомилась со своим будущим мужем – художником веселого, легкого, беспрепятственного таланта. У него в мастерской и я познакомилась с Иосифом.

– *Как часто появлялся Иосиф в вашей мастерской? Опишите атмосферу этого места: Иосиф в интервью с Волковым говорит о «порнографическом аспекте», так ли это?*

– Наша мастерская находилась рядом с Академией художеств. Это была большая комната, с окном во всю стену, на стенах висели рисунки, шаржи и много прекрасных польских плакатов. Мы еще с институтских времен были влюблены в Польшу, имели много знакомых польских художников. И вообще в те годы иметь в нашем возрасте мастерскую в Ленинграде было редкостью. Мы завели несколько альбомов, и наши гости рисовали в них, писали стихи, кто что хотел – сейчас это бесценное собрание автографов.

Забегали к нам и знакомые натурщицы. Они обычно позировали по 3 часа в Академии, потом у них был часовой перерыв, и после еще по 2—3 часа. Они забегали к нам перекурить, попить кофе, поболтать по телефону, и даже не одевались; накидывали халатик и пальто, и когда закидывали ногу на ногу, было видно, что они голые. Наверное, это он и называет «порнографическим аспектом». Какое волнение это должно было вызывать в молодом Иосифе, если вспомнить, какое волнение вызывали у него колени пионервожатой на картине «Прием в комсомол». Иосиф с удовольствием болтал с натурщицами.

Он бывал у нас часто. Пил кофе, названивал по телефону, листал монографии и альбомы с репродукциями, но в основном рисовал. С большим удовольствием. Особенно ему нравилось рисовать цанговым карандашом с толстым грифелем – он давал широкую «бархатную» линию. Я привез несколько таких карандашей из Чехословакии и один подарил ему. Он был счастлив.

Еще Иосиф любил слушать у нас польские пластинки – танго, джаз. Он ведь тоже на всю жизнь был влюблен в Польшу. Без конца гонял долгоиграющую пластинку, где Галчинский читает свои стихи. В 1967 году вышел маленький томик стихов Галчинского. Очень изящно оформленный. Там было четыре перевода Бродского. Иосиф подарил нам с женой этот томик и подписал: «Panowie, do Lasu! Вике и Мише za polskiem razem-zawsze! Smutny tłumacz Joseph Brodsky». Он нарисовал польского орла. В «Заговоренных дрожках» он исправил 30 строчек, зачеркнул, вписал новые и т. д.

– В коллекции Эры Коробовой я видела много рисунков Иосифа. Как вы их оцениваете?

– Надо сказать, что его рисунки отличаются на редкость пластичной линией, остротой композиции, умением передать настроение – он никогда не учился рисовать, но, безусловно, был наделен большим художественным даром. Он и фотографировал замечательно.

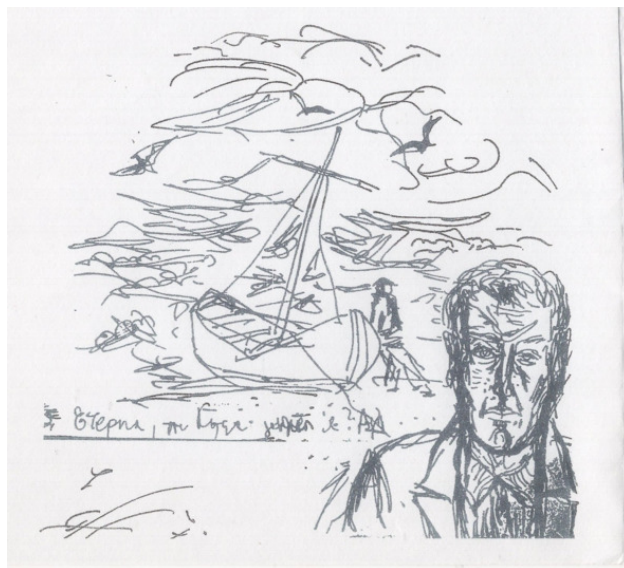

Рисунок И. Бродского

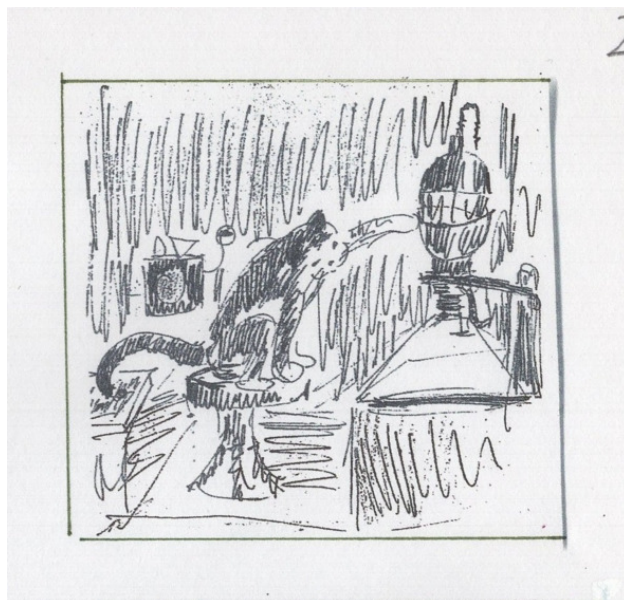

Рисунок И. Бродского

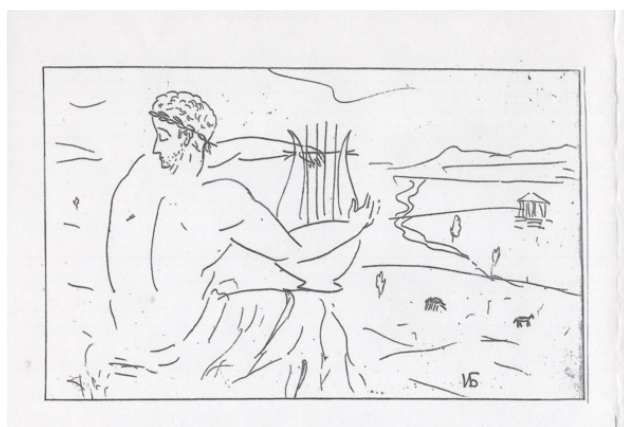

Рисунок И. Бродского

– *Вы были знакомы с Музой Бродского – Мариной Басмановой, которая, как и вы, художник. Какое впечатление она производила на вас?*

– Марину Басманову я впервые увидел в ту злополучную новогоднюю ночь 1964 года, когда Бобышев привез ее как подругу Бродского (сам Бродский скрывался от преследований в Москве) на зимнюю дачу в Комарово, которую мы снимали большой компанией. До этого я изредка видел ее в Детгизе, знал, что она дочь художника Павла Ивановича Басманова и любовь Бродского. Она была высокая, с большими глазами, как бы обведенные синькой. Чем-то она напоминала мне Врублевскую «Царевну-лебедь». Лицо у нее было красивое, но какое-то анимичное, неживое. Хотя в ту ночь она в какой-то момент абсолютно изменилась. С диким смехом, с сумасшедшим блеском в глазах, она неожиданно подошла к занавеске на окне. Это было очень страшно, занавеска вспыхнула в одну минуту, мог возникнуть пожар, дом был деревянный. Помню, что я даже заорал на нее, сорвал занавеску и затоптал ее.

Ну, а потом и произошли все эти известные события, связанные с Бобышевым, стремительное возвращение Бродского из Москвы, арест, суд, ссылка.

После возвращения Иосифа в Питер из ссылки, я часто видел Марину. Я работал тогда главным художником в журнале «Костер» и регулярно заказывал ей рисунки. Она всегда приходила с Иосифом.

– *И как вы оцениваете рисунки МБ?*

– Я считал ее очень хорошим художником, хотя видел только ее картинки для журнала, изящные, легкие акварели, красивые по колориту, они очень украшали журнал, выделялись благородством Питерской культурной традиции 30-х годов. Мне кажется, что МБ в основном училась у своего отца.

С Мариной я практически разговаривал мало, замечаний по рисункам не делал, единственно умолял сдавать работу в срок, чего она никогда не могла. Я выслушивал упреки в редакции, скандалы в типографии за срыв графика. Но заказы не прекращал, мне нравились ее рисунки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.